

ЗА ВЫСЛУГУ

МОНЕТ

Экономические
кризисы все
сильнее бьют
по нобелевским
лауреатам

ЕКАТЕРИНА КАЦ

В начале октября в Стокгольме в 44-й раз объявят имена нобелевских лауреатов в области экономики. Одни ученые с нетерпением ждут, кого сочтут достойными, другие заранее иронизируют. Дело в том, что, невзирая на солидный «возраст» премии, многие члены научного сообщества до сих пор не признают «нобелевку» в области экономических наук «настоящей». Обозреватель «МП» решил разобраться, насколько же важны достижения в области экономики, за которые присуждают «нобелевку» в реальной жизни.

В завещании Нобеля от 1895 года были перечислены пять областей человеческих знаний, на награды представителям которых предусматривалось выделение средств из фонда его имени. Это физика, химия, физиология и медицина, литература, а также содействие установлению мира во всем мире (премия мира). Награды в этих номинациях вручаются с 1901 года. А премию по экономическим наукам памяти Альфреда Нобеля (так она на самом деле называется) в 1968 году учредил и финансирует Центральный банк Швеции.

Президент консалтинговой компании НЕОКОН Михаил Хазин — один из тех, кто не признает эту премию нобелевской. В частности, он приводит такой аргумент: «родственники Нобеля возражают против того, что его имя используется».

Не далее как в 2010 году один из потомков основателя фонда Петер Нобель в очередной раз публично высказался против использования имени Альфреда Нобеля. «Его письма свидетельствуют о том, что он не любил экономистов», — пояснил свою позицию Петер Нобель.

Но это лишь одна из целого ряда причин, по которым многие ученые, даже из среды экономистов, относятся к премии по экономике с долей скепсиса. Некоторые ставят под вопрос ценность самих экономических теорий, другие — глубину их проработки, а также их «полезность» для реальной жизни. Есть также и те, кто считает, что награждают «слишком прикладные» работы.

Еще в 1997 году всемирно известный американский экономист Василий Леонтьев писал: «Продолжение деятельности Нобелевского комитета проблематично. Думаю, что уже сейчас его внимание постепенно переключается с

экономистов-теоретиков на институциональных экономистов. И теперь возникает проблема, поскольку в конкретных экономических исследованиях можно хотя бы говорить о какой-то иерархии, а также крупных шагах вперед, прорывах, тогда как в институциональной школе я действительно не вижу никаких крупных прорывов». Сам Леонтьев также был нобелевским лауреатом по экономике 1973 года. «За развитие метода «затраты — выпуск» и за его применение к важным экономическим проблемам» — такая формулировка сопровождала премию.

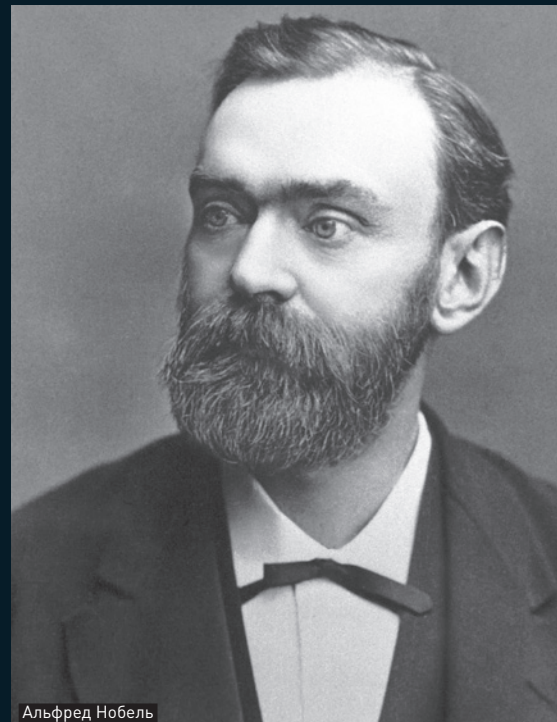
КРИЗИСНОЕ «ОБОСТРЕНИЕ»

Споры относительно ценности открытий в области экономики всколыхнулись со времен последнего глобального финансового кризиса. Только ленивый за последние шесть лет не обвинял экономистов в том, что они не предсказали финансовый коллапс, проглядели «пузыри» и недоглядели за производными инструментами, а также до сих пор не предложили миру пути выхода из него.

По мнению Михаила Хазина, беда в том, что Банк Швеции придумал награду «для поддержки либеральных экономистов» (слово «либерал» в лексиконе эксперта — едва ли не самое ругательное), т.е. изначально «встроенных» в капиталистическую систему ценностей. В частности, эксперт жестко раскритиковал прошлогоднее решение комитета, присудившего премию «За теорию стабильного распределения и практики устройства рынков» Ллойдю Шепли и Элвину Роту.

«Премия по так называемой экономике вручена людям, которые

*Целый ряд
ученых считают
Нобелевскую
премию по
экономике
премией «второго
сорта»*

Альфред Нобель

занимаются тем, что у нас в математике называется теорией массового обслуживания. Это вполне уважаемая отрасль математики, проблема только в том, что она не имеет отношения к реальности. Вообще никакого, — категоричен Хазин. — Можно говорить о том, что она помогает оптимизировать обслуживание очередей или групп, например оптимальным образом удовлетворить покупателей на рынке. Но у нас кризис, к которому теории не имеют вообще никакого отношения».

Фуад Алескеров, профессор НИУ ВШЭ, напротив, полагает, что Нобелевская премия прошлого года вручена за блестящую работу — о равновесии на рынках без денег. По его мнению, как раз эта работа имеет большое прикладное значение.

Весь мир активно использует эту теорию, разработанную еще в 1962 году, и получившую Нобелевскую премию за 2012 год, считает собеседник «МП»: еще в 1990-е годы многие страны перешли на набор абитуриентов, опираясь на положения этой системы. «Ее используют также при приеме на работу выпускников, — пояснил Алескеров. — А у нас в стране пять лет назад тех, кто эту науку понимал, было пять человек, а сейчас благодаря моим и моих коллег лекциям стало порядка 60 человек».

С этим трудно спорить: не только представители власти и ответственные лица корпораций, но и большинство российских экономистов «с именем» закончили советские вузы и мало знакомы (а многие, очевидно, и не хотят знакомиться) с базовыми западными теориями. В связи с этим общепринятые в развитых странах решения зачастую ими даже не предлагаются.

«Возьмем механизмы решения типа аукционных. За этим стоят серьезные теории, в том числе Нобелевская премия 2007 года Гурвича, Маскина и Майерсона, — продолжает профессор Алескеров. — По ним проводятся аукционы, осуществляется распределение радиочастот на Западе и т.д.»

И вряд ли стоит сомневаться, что распространение в России подобных практик стало бы важным шагом в борьбе с управленческим хаосом и коррупцией.

Спор о том, насколько «прикладными» должны быть исследования и ответственные ли экономисты за «проколы» в страновой и мировой экономической политике, ведется десятилетиями.

Руководитель департамента теоретической экономики НИУ ВШЭ, профессор Сергей Пекарский считает: фундаментальная наука дает ответы на концептуальные вопросы, это не «отдел рецептуры» для правительств и центробанков стран мира. «Исходить из того, что то, что делается в науке, в том числе нобелевскими лауреатами, сразу же и напрямую используется в экономической

политике, было бы наивно, — полагает эксперт. — Нобелевский комитет отбирает фундаментальные исследования в области экономики, которые дают принципиально новые знания о том, как ведут себя экономические агенты, как работают рынки, как государству следует проводить экономическую политику».

В конечном итоге эти фундаментальные исследования имеют прикладное значение, но сами исследования,

Глобальная рецессия 2008 года у многих вызвала вопрос: почему нобелевские лауреаты по экономике не смогли предугадать ее?

удостоенные премии, — основополагающие, создающие, по сути, новые направления, которые затем, порой лишь через много лет, получают развитие в работах других ученых и имеют значение для мировой экономической политики, поясняет профессор Пекарский.

ТОЧНЫЙ ПОДХОД

Другая проблема экономической «нобелевки» в ее междисциплинарности. Некоторые из удостоенных наградой исследований похожи на математические по солидной методологии и расчетам. Другие же — гуманитарные, которых больше и к которым возникает много вопросов со стороны приверженцев точного подхода. Впрочем, среди них есть исследования, которые не имели формального моделирования, но пролили свет на важнейшие аспекты экономической теории, считает Фуад Алескеров. Яркий пример — премия 1993 года «За новое исследование экономической истории с помощью экономических теории и количественных методов для объяснения экономических и институциональных изменений», благодаря которой молодая междисциплинарная наука клиометрика получила всемирное признание (премия была присуждена Роберту Фогелю и Дугласу Нортю).

Сергей Пекарский комментирует ситуацию так: «Не существует отдельной Нобелевской премии в области математики, но некоторые премии по экономике скорее напоминают математические исследования». К ним, например, относится теория игр Джона Нэша, исследующая стратегии по достижению людьми своих интересов, которая получила премию 1994 года.

«Физика развивается как наука две тысячи лет, даже чуть больше. Экономика — примерно 150 лет. Кроме того, в отличие от моделирования неживой природы, моделирование систем, в которые включен человек, существенно сложнее, поскольку он своими действиями меняет ситуацию, — соглашается Фуад Алескеров. — Поэтому на моделирование некоторых экономических процессов потребуется очень много времени. Но хоть про экономику и говорят, что она — гуманитарная наука, мы знаем совершенно блистательные модели, позволяющие многое сосчитать».

Джон Нэш

В качестве примера профессор приводит работы Кеннета Эрроу (премия «За новаторский вклад в общую теорию равновесия и теорию благосостояния» 1972 года), труды Жерера Дебре по теории равновесия и анализу теории полезности (премия 1983 года), анализ Франко Модильяни поведения людей в отношении сбережений, прежде всего пенсионных (премия 1985 года), а также труды Роберта Солоу (премия 1987 года «За вклад в теорию экономического роста»).

«Мне как макроэкономисту особенно импонируют лауреаты 2011 года «За эмпирические исследования причинно-следственных связей в макроэкономике», Роберт Сарджент и Кристофер Симс, — добавляет Сергей Пекарский. — По сути дела, это ученые, изменившие макроэкономическую науку со времен 1970-х годов. Заложённое ими направление исследований на теоретическом и эмпирическом уровне, а также инструментарий позволили серьезно развить макроэкономику». Суть их исследования заключается в разработке метода, который позволил бы экономистам при анализе любых процессов найти наиболее верное объяснение происходящего и не допустить ошибок в прогнозах.

ВНАЧАЛЕ БЫЛА ТЕОРИЯ

«Понятно, что в физике на словесном уровне моделей никто не строит, но

Элвин Рот

Роберт Сарджент и Кристофер Симс

в экономике пока это допускается, особенно в фундаментальных работах. Например, нобелевский лауреат Дуглас Норт недавно опубликовал теоретическую работу, описывающую государственные системы. Позднее под нее, как и под другие важные теории, напишут и математические модели, — подводит итог под дискуссией о том, гуманитарная ли наука экономика, Фуад Алескерев. — Все эти работы имеют прикладной характер. У Оскара Майера есть фраза: «нет ничего более прикладного, чем хорошая теория». Вопрос, как и где ее используют».

Теории в экономике строятся так: придумываются модели, потом они переводятся на язык математики, тестируются эконометрическими методами, и каждая страна подстраивает эти модели «на себя» и применяет их.

«Но в каких-то странах недостает данных, а где-то не хватает культуры управленцев, которые считают, что некие модели им подходят в полной мере, а это может быть не так. Политическая власть может «продавать» использование средств, которые губительны для

страны», — считает Алескерев.

Профессор вспоминает, как, находясь в США в разгар кризиса 2008 года, он лично убедился в том, что американские экономисты привлекаются властями для решения важнейших локальных задач. В то время крупнейшие американские университеты были загружены работой: по заданию правительства они рассчитывали, каким банкам стоит оказывать финансовую помощь, чтобы эффективно направить средства.

У нас в России, к сожалению, в кризисы все решения о том, какие банки следует относить к категории too big to fail, принимались кулуарно. Результаты налицо.

Если взглянуть на перечень лауреатов премии по экономике, подавляющее большинство окажутся американцами — но не обязательно родившимися в США. Их российские коллеги не усматривают в этом политической подоплеки: лучшие экономисты перебираются туда, где для них созданы лучшие условия. Поэтому ведущие экономические исследования ведутся обычно под американским флагом.

♦ ————— ♦

*Правительства
нечасто
прислушиваются
к теориям
ученых*

♦ ————— ♦

Роберт Шиллер

ВЕРХИ НЕ ХОТЯТ

Сложно не заметить, что среди нобелевских работ по экономике нет ни одной, которая бы затрагивала такие проблемы, как современные системные кризисы в глобализирующемся мире или каким-то образом описывала возможные новые рыночные модели. Вокруг этого расплодилось конспирологические версии, в том числе — о заговорах правительств стран «золотого миллиарда», всячески тормозящих такого рода исследования.

Однако дело скорее в нежелании признавать ошибки. Дело в том, что Роберт Шиллер еще в 2000 году

предсказал неизбежность финансовых «пузырей» в современной экономике, а спрогнозировал их появление в 2006 году. Но адекватных теорий на эту по-прежнему актуальную тему («пузыри» никуда не делись, а кочуют от страны к стране, от региона к региону) так и не появилось.

«Шиллеру не дали Нобелевскую премию. Если такая работа получит премию, в соответствии с пиаром премии, она является абсолютно истинной. А значит, есть люди, которые своими действиями допустили возможность появления кризиса», — говорит Михаил Хазин.

Также своими выступлениями и работами на тему кризиса известен американский экономист Нуриэль Рубини, но и он до сих пор остается незамеченным Нобелевским комитетом.

По мнению Хазина, для сильных мира сего недопустимы разбирательства относительно того, в какой мере в надувании финансовых «пузырей» виноваты чиновники. Например, сотрудники Министерства финансов США, которые отменяли закон Гласса — Стигала, и работники ФРС, снижавшие учетную ставку.

Предсказать, а тем более отменить кризисы почти невозможно из-за психологии инвесторов, уверен Сергей Пекарский. «Другой вопрос, что государство может вмешиваться в работу финансовых рынков и имеет для этого инструментарий, — считает ученый. — Достаточно вспомнить, как правительства ведущих стран усилили регулирование после Великой депрессии. Но после ряда стабильных десятилетий у многих появилось представление, что мир изменился и можно ослабить ограничения, налагавшиеся ранее на работу финансовых институтов, и это опять же вопрос политэкономический, где зачастую выборы фискальных и монетарных властей определяет лобби с Уолл-стрит».

«Ужас ответственности витает сегодня над чиновниками, и они готовы выпрыгнуть из штанов, чтобы самой мысли об этом не было, — утверждает Михаил Хазин. — Отсюда вывод: Нобелевскую премию по экономике можно присуждать только тем людям, которые вообще в своих работах тему кризиса не упоминают. Даже если в работе нет темы кризиса, но ее авторы говорят о нем и пишут, это недопустимо».

НЕУДОБНАЯ ЗЛОБОДНЕВНОСТЬ

«Внедрять или не внедрять те или иные теории в практике государственной политики — вопрос политэкономический. И можно говорить о том, что ученые с мировым именем иногда не слышат», — говорит Сергей Пекарский. По его словам, нобелевский лауреат по экономике Джозеф Стиглиц тоже активно писал на темы кризиса, однако нельзя сказать, что к его идеям прислушались политики.

Между тем даже Стиглиц, рьяный критик европейских мер по выходу из кризиса в регионе и скептик в отношении либерального рынка в России, никогда не говорил о неизбежной смене мировой экономической модели. Зато он нередко подчеркивал увеличивающуюся спекулятивность мировой экономики, которая все сильнее реагирует на алармистские публикации в СМИ и многочисленные финансовые рейтинги, которые вовсе не способствуют выходу из глобальной рецессии.

«У меня не возникает ощущения, что экономическая система должна смениться, — утверждает Фуад Алескеров. — С политической точки зрения — может быть. Но когда Эйнштейн открыл теорию относительности, никто же не стал кричать: давай отменим ньютонову динамику. Экономика — наука, а не средство управления миром. Вопрос, как ее использовать. Физика также использовалась для производства атомной бомбы или ядерных реакторов».

Михаил Хазин, напротив, сторонник того, что мы живем в эпоху конца капитализма. «Логика современных элит, финансовых, политических и национальных: никаких виновных быть не может! Но развитие ситуации ведет к тому, что общество неминуемо начнет предъявлять чиновникам претензии и требовать ответственности, — уверен он. — Возможно, после этого исследований на «неудобную» тему станет больше».

В ближайшие годы Нобелевских премий за «кризисные» экономические исследования не ожидается. С учетом того что сейчас награждают за развитие теорий 1960–1970-х годов, актуальные для сегодняшнего дня труды, вероятно, будут достойны наград спустя лет 30. **ММ**